

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ:
СТАТУС И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
С УЧЕТОМ ДИАХРОННО-СИНХРОННОГО СРЕЗА

THE RUSSIAN LANGUAGE IN MODERN UKRAINE:
THE STATUS AND SPECIFICITY OF ITS FUNCTIONING FROM
A DIACHRONIC AND SYNCHRONIC PERSPECTIVE

ТАТЬЯНА КОСМЕДА

ABSTRACT. The article focuses on analyzing the functioning of the Russian language in Ukraine, including its diachronic and synchronic aspects. The language policy of the Russian Empire, the USSR and modern Ukraine was taken into account in the analysis. The consequences of this language policy, such as Russification, bilingualism, and the mixture of Russian and Ukrainian, are reflected in the new Ukrainian law – “Regulations of State Language Policy”. Pluralism and a new status of Russian as a regional language have also been implemented in this law.

Tatiana Kosmeda, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska.

Никогда в истории человечества проблема сознательного воздействия общества на функционирование, развитие и взаимодействие языков не была столь актуальной, как в современную эпоху. Существуют различные пути, способы и приемы воздействия общества, правительства и отдельных личностей на язык. Главную роль в этом играет языковая политика государства. Языковая политика в идеале – это выражение отношения общества к решению языковых проблем в определенном государстве, что соответственно закрепляется и регулируется Конституцией этого государства. Однако если государство тоталитарное, то языковая политика регулируется другими факторами, прежде всего установкой господствующего класса.

В середине XX века поэт Н. Тихонов писал: *„И с детства я к тому уже привык, чтоб рядом слышать прелесть русской речи и украинский сладостный язык“*. Ему вторил и другой известный украинский поэт, замечая: *„Чуєте? Російська мова й українська тут бринить: одна мова чорнобрива, а друга – немов блакить“*. Как видим, даже в поэзии отразился характер функционирования русского языка в Украине – это **утвердившийся русско-украинский, но не украинско-русский билингвизм**, что,

как видим, неосознанно представлено в языковом сознании как носителя русской, так и украинской элитарных языковых культур.

Эта традиция имеет длительную временную протяженность, связанную с языковой политикой Российской империи, которая не признавала за украинским языком статуса самостоятельного языка, считая его наречием русского языка (кстати, до сих пор бытует такая точка зрения среди небольшой части малообразованного населения Украины). Известны указы Российской империи, направленные на снижение статуса украинского языка, запрет на его функционирование и тем более развитие, отсутствие возможностей получить образование на украинском языке. Ярким следствием такой политики царской России является феномен Н. Гоголя. Это уникальное явление могло появиться только в условиях, возникших вследствие языковой политики Российской империи: гений украинской нации отразил украинскую ментальность в художественных текстах, написанных на русском языке, ярко пестрящих украинизмами всех языковых уровней. Загадку Гоголя не могут разгадать до сих пор. Его не могут поделить русская и украинская культура. Это сделать и невозможно, т.к. Н. Гоголь – феномен языковой ситуации, имевшей место в Украине как части Российской империи в XIX в., это результат имеющей место языковой политики.

История распорядилась так, что единая Украина оказалась разделенной языковой политикой государств, которые ее поработали. Это привело к утрате языковой стойкости, исчезновению чувства национальной солидарности, породило явление „неполноты нации“. Население Востока и Центра Украины, находящееся длительное время под властью Российской империи, утратило способность владеть родным украинским языком. На Востоке и в Центре Украины украинский язык определенное время сохранялся только в речи сельского населения. Он приобрел статус языка „деревенского“, „грубого“, „немодного“, „непопулярного“. Его стали стыдиться. Такая ситуация продолжала иметь место и после Октябрьской революции. Более того, ситуация одновременного функционирования русского и украинского языков привела здесь к появлению негативного явления, возникновению так называемого суржика – языковой практики непроизвольного и неосознанного смешения норм русского и украинского языков вследствие отрицательной интерференции, что прослеживается и в современной дискурсивной практике посредственных и слабых языковых личностей, представляющих Восточную и Центральную Украину. Суржик, таким образом, – это языковая болезнь, возникшая вследствие стремления носителя украинского языка, преимущественно выходца из деревни, приспособиться к русскоязычному городу. Национальную и социальную природу суржика отражает сам термин, заимствованный из сель-

скохозийственной лексики, где суржик – это ‘смесь зерна пшеницы и ржи, ржи и овса и под.; мука из такой смеси’. Перенесенное на языковое явление слово означает смешанный язык, смесь из двух языков.

Таким образом, украинский и русский языки здесь „заболели” одной болезнью – практика их функционирования характеризовалась нарушением их литературных норм, что было связано с отсутствием выработанного механизма необходимого переключения языковых кодов. Однако русский язык занимал господствующее по отношению к украинскому языку положение, влиял на его развитие, преобразая его языковую систему на всех языковых уровнях. Это явление получило название тотальной русификации. В современной украинской лингвистике оно неоднократно рассматривалось и описывалось, однако до сих пор все же нет описания целостной картины, характеризующей языковое взаимовлияние русского и украинского языков на каждом историческом этапе их сосуществования в условиях как дореволюционной, так и Советской Украины, а сегодня уже и Украины как самостоятельного суверенного государства. Взаимовлияние характеризуется не только отрицательным влиянием, но, может, естественно, в меньшей степени и положительным.

На Западе Украины издавна сложилась иная языковая ситуация. Австро-Венгерскую империю считали самой лояльной империей. Вследствие языковой политики Австро-Венгерской империи на территории нынешней Западной Украины языковая политика привела к появлению полилингвизма – одновременного функционирования украинского, польского и немецкого языков. Однако украинский язык здесь имел иной статус, чем на Восточной Украине: он преподавался в гимназиях и высших учебных заведениях, на нем издавались газеты, журналы, книги и под. Его свободно использовали в повседневном общении и в других сферах жизни общества. Конечно, и здесь имела место интерференция, связанная с влиянием немецкого и польского языков, однако украинский язык сумел сохранить свои особенности, возможно, потому, что немецкий язык относится к неблизкородственным, а польский не является настолько близкородственным, как русский, поэтому их влияние на украинский язык было более заметным и воспринималось носителями языка как чуждое. Только после 1939 года, как известно, после присоединения Западной Украины к Советскому Союзу русский язык пришел и сюда. Тот факт, что русский язык функционировал на территории Западной Украине в качестве языка межнационального общения *de jure*, а *de facto* имел статус обязательного государственного языка менее длительное время, чем на Украине Восточной, уберег здесь украинский язык от превращения его в суржик: русификация не успела к этому привести.

Таким образом, к концу XX в. на Западной Украине преобладало украинско-русское двуязычие, тогда как на Востоке даже русско-украинское двуязычие не было распространенным фактом: практически единым языком общения здесь являлся русский язык наряду с широким распространением суржика. По мнению Л. Масенко, массовый билингвизм – явление, принципиально отличающееся от индивидуального двуязычия. Его провоцирует, как правило, колониальная зависимость государства. В порабощенных условиях зависимая языковая общность должна изучать, кроме родного языка, еще один язык и использовать его в общении в определенных обстоятельствах. Если второй язык постепенно начинает выполнять все функции родного, возникает опасность исчезновения родного языка и превращения двуязычных личностей в одноязычных¹.

Даже уважаемые в Украине личности страдали суржиковой болезнью. Известно, например, что Иван Франко женился на выпускнице Харьковского института благородных девиц, представительнице украинского дворянского сословия Ольге Хоружинской, которая, будучи высокообразованной интеллигентной женщиной, не владела украинским языком и даже после того, как она длительное время прожила во Львове, все же говорила, кроме русского языка, на суржике. Сегодня публикуют ее письма к сыновьям на фронт, анализируя ее эпистолярный стиль. Сыновья с укором обращались к матери с просьбой давать свои письма для стилистической правки сестре. Даже такая элитарная языковая личность, как Иван Франко, владеющий 17 языками, не смог повлиять на языковую компетенцию относительно русского и украинского языков своей супруги. Известны факты, когда украинские элитарные языковые личности, известные писатели совершали лингвокреативную деятельность наряду с украинским и на русском языке (например, Т. Шевченко свой дневник писал именно на русском языке). О. Забужко объясняет этот факт действием фактора „внутренней эмиграции“, когда в своей родной стране нет возможности абсолютно свободно выбирать язык общения, язык творческой деятельности. Отметим также, что на двух языках – русском и украинском – в той или иной степени создавали такие известные украинские писатели, как Марко Вовчок, Е. Гребинка, П. Грабовский, П. Гулак-Артемовский, И. Карпенко-Карый, Г. Квитка-Основьяненко, О. Кобылянская, И. Котляревский, М. Коцюбинский, И. Нечуй-Левицкий, М. Старицкий, Леся Украинка, Ю. Федькович, Ю. Яновский и др. Русский язык сопутствовал научным изысканиям и творческим достижениям таких корифеев украинской нации, как О.К. Антонов, А.А. Богомолец, В.И. Вернадский, В.М. Глуш-

¹ См.: Л. Масенко, *Мова і політика*, Київ 1999, с. 8.

ков, С.П. Королев, А.В. Палладин, Б.Е. Патон, Е.О. Патон, Л.В. Писаржевский, А.А. Потебня и др. Этот фактор привел к тому, что сегодня в Украине практически нет даже украинской языковой элиты, а тем более „языковой аристократии“.

Такой была ситуация к тому времени, когда Украина приобрела статус независимого государства вследствие распада Советского Союза. Однако Украина как самостоятельное суверенное унитарное государство получила в наследство от Советской Украины большие языковые проблемы, которые необходимо было экстренным образом решать на законодательном уровне, однако учитывая при этом сложившуюся сложную ситуацию: наличие речевой практики преобладания функционирования русского языка, наличие определенных и к тому же разных психологических лингвотипов по отношению к восприятию украинского и русского языков.

В Конституции Украины был закреплен статус украинского языка как государственного языка Украины, а русский язык приобрел статус языка национальных меньшинств. Однако психологически население Востока и Центра Украины было не готово мгновенно воспринять украинский язык в качестве обязательного государственного языка. Это тонкий социально-психологический процесс, который не следовало обострять, действовать нужно было без агрессии, без напора, постепенно, без перегибов в одну или другую стороны, поэтому и был предложен постепенный, поэтапный план внедрения государственного языка во все сферы жизни украинского общества. Эта ситуация стала предметом спекуляций политических партий в предвыборных кампаниях, чего не следовало делать, ибо это противопоставляло украинское общество и, кстати, продолжает противопоставлять.

Однако благодаря лояльно осуществляемой государственной политике украинский язык в Украине постепенно начал укреплять свой статус. Русский язык от этого не пострадал, хотя, если до активизации языковой политики суверенного Украинского государства украинская речь часто наполнялась лексическими вкраплениями из русского языка, наблюдалось явление макаронической речи, что отразилось не только в художественной литературе, но и в публицистических текстах, то вектор такого влияния изменился в противоположную сторону – в русскую речь украинцы стали активно вставлять украинские языковые единицы, номинации, названия понятий, фактов, реалий, явлений, использовали макароническую речь, т.е. актуализировался принцип репрезентации языка Н. Гоголя. Следует констатировать, что сегодня русская речь украинцев сильнее, чем в предыдущие годы, „страдает“ от интерферентного влияния, что, безусловно, в первую очередь проявляется на лексическом уровне, однако прослеживается также на фоне-

тическом и грамматическом языковых уровнях. Суржик все еще имеет место, однако наблюдаются сдвиги в приближении его к нормативной украинской речи.

Так называемое **русскоязычное население** (термин представляется несколько некорректным) Украины не всегда чувствует себя комфортно. **Появляется новый психологический тип русскоязычной языковой личности, в сознании которой преобладает чувство неловкости, стыда из-за незнания государственного украинского языка.** Имеют место звонки на украинское радио в прямом эфире, которые начинаются со слов: *„Извините, можно я буду говорить по-русски“*.

Вместе с тем даже из уст представителей украинской политической элиты можно услышать такие утверждения: *„Я буду говорить по-русски, т.к. я мыслю по-русски. Мне легче высказывать свое мнение по-русски“*. Или: *„От того, что я буду говорить по-русски, я не стану меньше любить Украину“*. В этом случае имеет место низкий уровень коммуникативной компетенции, ибо на языке начинаешь мыслить тогда, когда хорошо им владеешь с учетом знания не только грамматики, семантики, но и прагматических установок. Это **другой психологический тип русскоязычной языковой личности, сознание которой отвергает необходимость знания украинского языка и его активного употребления в различных сферах жизни общества.** Такой тип существовал и раньше. По мнению представителей этого типа людей, жить в государстве и не знать его титульного, этнического, коренного языка – это норма. Наличие такого типа людей объясняется прежде всего низким уровнем языкового воспитания, неуважением к традициям и культуре государства, в котором эти языковые личности проживают.

Украинский язык как государственный, естественно, является обязательным языком госслужащих, однако украинская речь этой категории языковых личностей далека от совершенства. Кстати, речь Премьер-министра Украины не соответствует даже нижайшему уровню языковой и коммуникативной компетенции в проекции на украинский язык (речь). Сказанное свидетельствует о том, что русский язык продолжает занимать сегодня в Украине господствующее положение.

У большинства представителей молодого поколения украинцев имеется желание не только изучать украинский язык, но и совершенствовать его наряду с приобретением высокого уровня языковой и коммуникативной компетенции относительно русского языка и языка английского. Формируется полилингвизм. Это происходит из жизненной потребности и не требует законодательного закрепления. Сегодня, собственно, уже выросло новое поколение украинцев, которые закончили украинские средние школы (с украинским языком обучения), получают образование в вузах также с обязательным украинским язы-

ком обучения. Постепенно баланс функционирования русского и украинского языков на территории Восточной Украины и ее Центра начинает восстанавливаться – формируется украинско-русское двуязычие.

Несколько по-другому выглядит ситуация на Западе Украины, где украинский язык всегда доминировал. На бытовом уровне изменений в функционировании языков нет. Желаящие общаться на русском языке осуществляют такое общение свободно. Те, кто украинской речью не владел, стараются восполнить этот пробел в соответствии с положением о функционировании украинского языка как государственного.

Однако на научно-образовательном уровне имеют место перегибы. Например, во Львовском национальном университете имени Ивана Франко русское отделение не имеет самостоятельного статуса, как это было, например, до 2004 года. Оно вошло в структуру славянского отделения. Но если набор студентов на славянское отделение в другие языковые группы составляет не менее 20 человек, то на русское отделение набор на госбюджетные места – всего 5 человек (еще в 2003 году он составлял 15 человек). Обучаются здесь преимущественно граждане Китая. Русский язык выведен из учебных планов на украинском, славянском отделениях филологического факультета и на факультете иностранных языков, т.е. игнорируется русистика как наука (и даже украинская русистика, т.к. кафедра русской филологии обречена на вымирание – сокращаются кадры, практически весь состав – это люди пенсионного возраста, отсутствует подготовка специалистов через аспирантуру, приток молодых кадров), русский язык и литература, русская культура как парадигма гуманитарного знания, что, как представляется, крайне неправильно. Такая ситуация наблюдается практически во всех вузах Западной Украины. Ирина Фарион (кандидат в депутаты Верховного Совета Украины от партии „Свобода“) призывает молодых людей не изучать русский язык.

В канун выборов в Верховный Совет Украины 8 августа 2012 года вошел в силу новый Закон о принципах государственной языковой политики в Украине², который снова всколыхнул украинское общество. Представители украинской интеллигенции – известные деятели науки и культуры, писатели и ученые – обратились к Президенту Украины с просьбой не подписывать этот Закон, поскольку он в отдельных пунктах, по их мнению, противоречит Конституции Украины, является несовершенным и требует доработки. Однако это мнение не было учтено. Отдельные представители оппозиции объявили голодовку, что тоже не имело никакого эффекта.

² Закон України, *Про засади державної мовної політики*, [электронный ресурс]: http://uk.wikipedia.org/wiki/Проект_Закону_«Про_засади_державної_мовної_політики»

Как представляется, следовало бы произвести глубокий и всесторонний социолингвистический анализ сложившейся языковой ситуации в Украине по всей ее территории и на основании сделанных выводов произвести коррективы в языковой политике государства.

В *Статье 1* Первого раздела принятого Закона даны дефиниции его ключевых терминов, ряд которых трудно признать научно и юридически обоснованными. Практически все понятия, представленные в этой статье, составляют, естественно, фрагмент метаязыка социолингвистики, поэтому в науке имеется практика их авторитетного толкования, неучтенная составителями Закона.

Расплывчатым и не имеющим практики подобного использования представляется термин **региональный язык**, который отождествляется с термином **язык национальных меньшинств**, ср.:

региональный язык или язык меньшинств – это язык, традиционно используемый в пределах определенной территории государства гражданами этого государства, составляющими группу, которая по своей численности меньше, чем остальное население этого государства; и/или отличается от официального языка (языков) этого государства (Ст. 1, 1-й разд.).

Некорректным представляется толкование термина **родной язык** как „первый язык, которым личность овладела в раннем детстве”, ибо на практике первым языком, которым овладевает личность, может быть и неродной язык.

Актуализированный авторами Закона термин **плюрилингвизм** также требует научного обоснования. Он не имеет в Законе определенной дефиниции. В метаязыке социолингвистики бытуют устоявшиеся термины *билингвизм* и *полилингвизм*. Последний и обозначает ситуацию возможности функционирования нескольких языков на определенной территории. В Законе речь идет о „принципах плюралингвизма”, который расшифровывается так:

каждая личность в обществе свободно владеет несколькими языками, в отличие от ситуации, когда отдельные языковые группы владеют только своими языками (Ст. 5, п. 9, 1-й разд.).

Возникает вопрос, что значит „свои языки”?

По справедливому мнению Комиссии, анализирующей еще Проект рассматриваемого Закона, авторы Закона допустили концептуальную ошибку, т.к. **рассматривают язык не как один из наиболее важных этнонациональных признаков, а как территориальный признак, что не согласуется с теорией этноса и нации**. Следовательно, Закон проектируется не столько на удовлетворение языковых потребностей национальных меньшинств Украины, сколько на внедрение региональных языков, среди которых **особое место уделяется русскому языку**, по-

сколько в дефинициях Закона постоянно перечисляется порядок его действия относительно государственного языка, затем отдельно русского языка, а затем языков национальных меньшинств. Этот Закон меняет статус русского языка, хотя никак его не определяет, однако понятно, что его статус выше статуса других языков национальных меньшинств и других региональных языков, очевидно, это статус второго государственного языка, хотя так он нигде не обозначен. В Конституции Украины термин „русский язык” тождествен термину „язык национальных меньшинств”. В соответствии с новым Законом русский язык обладает всеми теми же привилегиями, что и государственный украинский язык после того как он приобретет статус регионального языка. Такой статус русский язык сегодня уже получил в большинстве областей Восточной Украины. Теперь в Украине можно будет проживать, не зная государственного украинского языка.

Как представляется, новый Закон „О положениях государственной языковой политики” спроектирован исключительно на повышение статуса русского языка в Украине, в чем, как кажется, нет насущной необходимости, кроме потребности в унормировании его статуса на научно-образовательном уровне в вузах Западной Украины. Однако введение этого Закона может привести к большим недоразумениям и снижению статуса украинского языка как государственного. Усилия государства должны быть направлены на правильное языковое воспитание, согласно которому необходимо содействовать выработке знаний, навыков и умений, направленных на владение на должном уровне языковой, коммуникативной, эмоциональной, культурной, этической и этнической компетенцией. Знание гражданами Украины прежде всего своего родного языка и одновременно языка государственного – это залог успешной языковой политики государства.

Соглашусь также с мнением известной украинской писательницы, философа и литературоведа Оксаны Забужко в том, что, к сожалению, русисты Украины не анализируют белых пятен истории украинско-русского культурного диалога, а по “колониальной инерции” дублируют достижения русистики российской, где „украинский фактор”, как правило, игнорируется³.

³ Л. Масенко, указ. соч., с. 8.

